Рубаи

Автор:
Омар Хайям

Рубаи

Омар Хайям

Имя персидского поэта и мыслителя XII века Омара Хайяма хорошо известно каждому. Его четверостишия – рубаи – занимают особое место в сокровищнице мировой культуры. Их цитируют все, кто любит слово: от тамады на пышной свадьбе до умудренного жизнью отшельника-писателя. На протяжении многих столетий рубаи привлекают ценителей прекрасного своей драгоценной словесной огранкой. В безукоризненном четверостишии Хайяма умещается весь жизненный опыт человека: это и веселый спор с Судьбой, и печальные беседы с Вечностью. Хайям сделал жанр рубаи широко известным, довел эту поэтическую форму до совершенства и оставил потомкам вечное послание, проникнутое редкостной свободой духа.

Омар Хайям

Рубаи

«Я останусь Хайямом...»

Современного читателя и Омара Хайяма разделяет почти тысячелетие. Но оказывается, что емкие строки этого восточного мудреца не только близки нынешнему человеку, но и спасительны. Даже не вдаваясь в «поденные», суфийские смыслы стихотворений, в сочетании их простоты и содержательности можно найти психологическую поддержку: и в высоких рефлексиях,

способствующих самоутверждению («Я откроюсь тебе: цель творения – мы»), и в оправдании жажды удовольствий («Чем к смерти суетно спешить, уж лучше с гурией грешить»). Иногда возникает ощущение, что в четыре строки Хайям умещает весь летучий жизненный маршрут: это линза, фокусирующая метания любой сколько-нибудь мыслящей души. Никакие пространные доводы не утешат так, как этот мгновенный интеллектуальный слепок, цепкая словесная хватка.

Ибо насколько психотерапевтически звучит:

Ты обойден наградой. Позабудь.

Дни вереницей мчатся. Позабудь.

Небрежен ветер: в вечной Книге Жизни

Мог и не той страницей шевельнуть.

(Пер. И. Тхоржевского)

Считается, что Омар Хайям – Гияс ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури – родился 18 мая 1048 года. Эту дату принято считать в «хайямоведении» почти достоверной – она возникла благодаря тому, что индийский ученый Свами Говинда Тиртха по сохранившимся фрагментам гороскопа сделал соответствующие вычисления. А еще примерно полстолетия назад исследователи считали, что Хайям родился в 1017 или 1018 году. И сомнения не развеяны полностью – да и возможно ли это в такой далекой ретроспективе, при обилии легенд, трактовок и утрате документов? В частности, есть опасение, что гороскоп, по воспоминаниям младшего современника Хайяма, Ал-Байхаки (1106—1174), найденный в бумагах поэта, не был его личным гороскопом, а хранился Хайямом как профессиональным астрологом.

Предполагается, что Хайям умер в 1131 году (если не принимать во внимание легенду, согласно которой он прожил 104 года). К такому заключению пришли на основании рассказа Низами Самарканди о посещении им могилы Хайяма через четыре года после его смерти. Однако по другим расчетам, в частности Свами Говинды Тиртхи, он покинул этот мир в 1122 году. По мнению Говинды, у Самарканди ошибочно написано «четыре года» вместо «четырнадцать лет». Могила находится в Нишапуре около мечети памяти имама Махрука и, как и предсказывал Хайям, в таком месте, где «каждую весну ветерок осыпает его цветами» – рядом сад грушевых и абрикосовых деревьев. В 1934 году на средства, собранные почитателями творчества Хайяма в разных странах, был

воздвигнут обелиск (авторы надписи на нем тоже признавали годом смерти – 1122-й).

О кончине Хайяма существует следующая легенда. Поэт читал «О божественном» из «Книги Исцеления» Авиценны. Дойдя до главы «Единое и множественное», он вложил между листами золотую зубочистку и сказал своему свояку, имаму Мохаммеду Багдадскому: «Позови чистых, я сделаю завещание». Когда единомышленники собрались, он помолился и после этого не ел и не пил. Его последними словами были: «Боже мой! Ты знаешь, что я познал Тебя по мере моей возможности. Прости меня – мое знание Тебя – это мой путь к Тебе».

Еще в позапрошлом столетии ученые считали, что было два Хайяма: поэт и математик, о чем свидетельствуют, например, статьи в русском энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Хайям писал стихи на персидском языке, а научные работы – в основном на арабском. В сложном имени Хайяма Нишапури означает место рождения – город Нишапур. Это один из городов северо-восточной иранской провинции Хорасан, в древности составлявшей ядро парфянского государства. Парфия входила в состав древнеперсидского царства. А в Хорасане разнообразно сочетались парфянская и персидская, греческая и римская, арабская и турецкая культуры. Поэтому образование Хайяма совершенно естественно базировалось на арабских переводах трудов Евклида, Архимеда, Аристотеля, Птолемея, сделанных еще в IX—X веках. Также он читал произведения ученых из стран Ближнего и Среднего Востока, изучал Коран и краткие энциклопедические трактаты Ибн Сины – «Книгу спасения» и «Книгу знания».

Средневековые источники обычно именуют Хайяма «имамом» – духовным вождем, «ходжой» – учителем и «Доказательством истины». По свидетельству современника, он имел превосходную память: однажды в Исфахане внимательно прочитал одну книгу семь раз подряд, а затем, возвратившись в Нишапур, продиктовал ее, и между оригиналом и новым текстом не нашли существенных разночтений.

О молодых годах жизни Омара Хайяма и о последних – сведений ничтожно мало. Он родился в семье состоятельного ремесленника, возможно, старейшины цеха ткачей, изготовлявших полотно для шатров и палаток (хайма) – отсюда и имя «Хайям», буквально – «палаточный мастер», от слова «хайма» происходит и старорусское «хамовник», т. е. «текстильщик». После учебы в Нишапуре Омар продолжил занятия в Балхе и Самарканде. Он изучал как точные, так и

гуманитарные науки, медицину, теорию музыки, был хорошо знаком с родной таджикско-персидской поэзией. Но главным направлением его научных занятий становится математика: первая самостоятельная работа Хайяма, возможно, посвящена извлечению корня любой целой положительной степени п из целого положительного числа N. А «Трактат о доказательствах задач алгебры и алмукабалы», написанный в Самарканде в 60-е годы XI столетия, принес Хайяму славу выдающегося ученого. Он содержал почти всю совокупность алгебраических познаний того времени. К сожалению, открытия Хайяма не стали своевременно известны в Европе, европейские ученые заново открывали уже открывшееся Хайяму, это можно сказать, в частности, о «биноме Ньютона». В Самарканде Хайям находился с 1066 по 1070 год, а затем четыре года провел в Бухаре. В 1066—1074 годах Хайям работает над математическими трактатами, в их числе «Трудности арифметики», «Трактат о доказательствах задач алгебры и алмука-балы» и «Весы мудрости».

После учебы Хайям путешествовал и преподавал. Ему начали покровительствовать правители. Сперва бухарский, а затем, в связи с укреплением империи Великих сельджуков – сельджукские властители Ирана Альп Арслан и его сын Мелик-шах, а также их знаменитый визирь, ценитель наук и искусств Низам аль-Мульк (1017—1092). По приглашению последнего Хайям в 1074 году переселяется в столицу нового государства Исфахан, где становится придворным ученым. Красивая легенда повествует: учась в хорасанском медресе, Омар и еще два мальчика, выпив крови друг друга, дали взаимное обещание, что тот, чья жизнь сложится успешно, не оставит без помощи двух других. Таким образом, у друга, ставшего визирем, Хайям попросил не власти, а денежной помощи (по некоторым источникам – налог со своей родной деревни), дабы беспрепятственно предаваться поэзии и созерцанию Творца. Ведь в те времена ученый, не будучи человеком состоятельным, мог регулярно заниматься своим предметом, лишь состоя при дворе правителя – на должности секретаря, астролога, врача или поэта. Хайям не сделался придворным поэтом, но 18 лет в Исфагане (до 1092 года), где он руководил обсерваторией, были самыми плодотворными в его жизни.

Итак, собрав при дворе «лучших астрономов столетия» и выделив значительные средства на оборудование, султан поставил перед Хайямом задание – построить дворцовую обсерваторию и разработать новый календарь.

И за пять лет Хайям и его сотрудники действительно создали новый календарь, гораздо более точный, нежели применявшийся до того. В Иране и Средней Азии

в то время существовали две календарные системы: солнечный домусульманский зороастрийский календарь и лунный, пришедший вместе с арабами и закрепившийся в процессе исламизации населения. Хайямовский же календарь, получивший название «Маликшахово летоисчисление», основывался на 33-летнем периоде, в котором восемь лет были високосными: каждый четвертый год для первых семи и последний – через пять лет. Этот календарь оказался на 7 секунд точнее нынешнего григорианского, чья годовая погрешность составляет 26 секунд. Кроме того, на основе наблюдений за небесными телами под руководством Хайяма были составлены «Астрономические таблицы Малик-шаха», которые стали широко известны на средневековом Востоке. Сохранились только таблицы неподвижных звезд, 100 наиболее ярких. Интересно, что некоторые наши названия звезд – искажения арабских слов. Так, Фомальгаут – фум ал-хут (рот рыбы), Ахернар – ахир ан-нахр (конец реки). В Исфахане Хайям продолжал и занятия математикой: в 1077 году завершил работу по геометрии – «Комментарии к трудностям во введении книги Евклида». А также написал «Трактат о бытии и долженствовании» (1080), а в 1080– 1091 годах – «Ответ на три вопроса», «Свет разума о предмете всеобщей науки» и «Трактат о существовании».

До наших дней дошла лишь часть хайямовских трактатов по алгебре, философии, астрономии. В 1851 году немецкий математик Франц Вёпке опубликовал в Париже книгу «Алгебра Омара Альхайями» – алгебраический трактат. А в начале XX столетия были изданы часть физического трактата Хайяма об определении золота и серебра в состоящем из них теле и его философские трактаты. Судить о мировоззрении Хайяма можно, основываясь на его четверостишиях и философских трактатах. Однако его философские и поэтические высказывания (тоже, на первый взгляд, противоречивые) порой расходятся. Согласно монографии о Хайяме Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, в трактатах он рационалистически, в духе Аристотеля и Ибн Сины, обосновывает необходимость божества как первопричины всех причин – иначе получилась бы бесконечная цепь или порочный круг, что нелепо. Мир эманирует, проистекает из первопричины наподобие некоей цепи, звенья которой «не одинаковы по благородству» (первое – чистый разум, последнее – прах разложившегося сущего, из которого божество создает и человека). Учение это восходит к египетскому неоплатонику III века Плотину. И картина мира согласно такому воззрению описана Хайямом в трактате о всеобщности существования.

В этом трактате ставится вопрос, с которым мы встречаемся и в поэзии Хайяма: почему Бог допустил несовместимые противоречия в существовании, почему в мире есть зло? В решении этой проблемы Хайям придерживается своеобразной

теории «наименьшего зла», следуя за Ибн Синой, который в своей «Книге знания» приводит следующий пример: огонь не мог бы приносить пользы, «если бы не был таким, что когда в него попадает благочестивый или ученый муж, то он сгорает», то есть хорошо, что существует даже несовершенный мир, ведь было бы еще большим злом, если бы из-за неизбежного несовершенства мира Бог не стал его создавать. Необходимость молитвы Хайям обосновывает тем, что введенные пророком законы не удержатся, если их не вспоминать постоянно в молитвах, упоминая и законодателя, и самого Аллаха. В «Трактате о бытии и долженствовании», а также в «Ответе на три вопроса» Хайям свой восточный аристотелизм и неоплатонизм приспосабливает к мусульманскому вероучению. Однако исследователи Б. А Розенфельд и А П. Юшкевич считают, что «Хайям сам не был удовлетворен излагаемой им рационалистической попыткой оправдания существующего в мире зла». Должно быть, поэтому возникли расхождения между представлением о торжестве добра над злом, существенном в теодицее Хайяма, изложенной в его философских сочинениях, и духом некоторых рубаи: «Я ухожу из этой круговерти / Тоски и зла. В печаль мою поверьте...». Или:

Под небесами счастья нет, и мир устроен так:

Один рождается на свет, другой летит во мрак.

Когда бы ведал человек о всех земных печалях,

Не торопился б он сюда, коль сам себе не враг.

(Пер. И. Евсы)

Одно из возможных здесь объяснений – в эволюции мироощущения Хайяма, на которое наложили отпечаток жизненные невзгоды. Скажем, несколько категорично переводчик Игорь Голубев считает, что отношение Хайяма к Богу постепенно видоизменялось от «хвалы» к «хуле» по мере познания. Следуя этому принципу, вероятно, рубаb с упованием на милость Аллаха можно отнести к более ранним, нежели «сердитые» и «безнадежные»:

Греша, не могу не испытывать страха.

Но я уповаю на милость Аллаха.

Пригрей, Всемогущий, Хайяма, который

Был пьяным гулякой, стал горсточкой праха.

(Пер. И. Евсы)

В двух финальных строках другого рубаи, затрагивающего эту тему, не исключено, проявилась присущая Хайяму ирония:

Был Ты добр, и враги не сломили меня.

Посылал мне припасы, в дороге храня.

Если дашь мне возможность воскреснуть безгрешным,

То бояться не стану я Судного дня.

(Пер. И. Евсы)

С другой стороны, стихи – это своеобразная отдушина, и человек не обязан быть столь последовательным в своем поэтическом самовыражении, сколь в научном. В стихах он даже запросто противопоставляет мудреца, винопоклонника или поклонника женской красоты – ученому, хотя к своим научным занятиям наверняка относился серьезно:

В учености – ни смысла, ни границ.

Откроет больше тайный взгляд ресниц.

Пей! Книга Жизни кончится печально.

Укрась вином мелькание страниц.

(Пер. И. Тхоржевского)

После гибели своих покровителей в 1092 году, во времена преследований на религиозной почве, Хайям, чтобы доказать приверженность исламу, совершил паломничество в Мекку. Обсерватория закрылась, и его попытки заинтересовать новых правителей астрономическими открытиями оказались безуспешными. Считается, что книга «Науруз-наме» (исторический трактат, написанный в 1095—1098 годах о древнем новогоднем празднике – Наурузе) должна была заинтересовать высокопоставленных лиц и побудить их к финансированию обсерватории. В книге излагается история солнечного календаря и различных календарных реформ, она также содержит многочисленные рассказы, легенды, медицинские советы, поучения и даже неправдоподобные анекдоты и ненаучные приметы. Последние компоненты должны были придать книге

увлекательность, традиционно присущую популярному изданию, а цель ее следует из главы «Об обычаях царей Ирана», где повествуется о лучших качествах правителей, прежде всего великодушии, справедливости, покровительстве ученым.

Размышления о вине из «Книги о празднике нового года» вполне соответствуют стихотворным высказываниям Хайяма об этом напитке. В специальной главе «Слово о пользе вина» Хайям апеллирует сперва к медикам древности, Галену и Гиппократу, а также к ученым средневекового Востока, а затем и сам воздает хвалу вину говоря, кроме прочего, следующее: «Вино очень приятно; все съедобное в мире, как жирное, сладкое, так и кислое, таково, что его нельзя съесть сверх насыщения, а если съешь больше, то человеческой природе становится противно, а вино как много ни пьешь, только больше хочешь. Человек не насыщается им, и человеческой природе оно не противно, потому что оно – царь напитков. В нем много пользы для людей, но его грех больше его пользы. Мудрому нужно пить так, чтобы его вкус был больше греха...»

Хайям и в стихах дает совет на этот счет:

Ты к вину пристрастился, так пей с мудрецом

Или с резвым юнцом, что приятен лицом.

Пей нечасто. Пей мало. Пей втайне от прочих,

Чтоб не слыть ни пропойцею, ни гордецом.

(Пер. И. Евсы)

В «Науруз-наме» есть и «Слово о свойствах красивого лица», перекликающееся с теми стихами, в которых воспевается красота женщины и юноши. В этой главе Хайям утверждает, что красивое лицо – счастье не только для его обладателя, но и для тех, кто смотрит на такое лицо: «Говорят, что счастье хорошего лицезрения имеет такое же влияние на состояние людей, как счастливое сочетание светил на небе. <...> Пророк,– мир над ним! – сказал: „Требуйте все, что вам нужно, у красивых лицом“».

Лишь к концу жизни Хайям вернулся в родной Нишапур. Тяготы последних лет отразились в стихотворениях, призывающих к осторожности и замкнутости. Считается, что Хайям обошелся без семьи и детей. По словам Ал-Байхаки, в

конце жизни Хайям «имел скверный характер и был скуп», «был скуп в сочинении книг и преподавании». А иранский исследователь Р. Дашнаки писал: «Омар Хайям был человеком. Не нужно делать из него ни пьяницу, ни ловеласа в стиле французских романов. Он был таким же, как все мы: порой мерз и голодал, порой жил прекрасно, много думал и много работал».

Однако если с трактатами Хайяма знакомы преимущественно специалисты, его поэтическое творчество – поистине народное достояние. «Рубаи» – в переводе с арабского – буквально: учетверенный. Это собственно персидская форма поэзии, появившаяся в IX веке. По словам Артура Арберри, метр рубаи не совпадает ни с одним из метров, к которым обращались арабские поэты.

Шамс-и Кайс пишет о рубаи следующее: «И благородные и простолюдины были потрясены этой формой; и грамотные и безграмотные полюбили ее в равной мере; и аскет и развратник пользовались ею; она понравилась и набожному и грешному; люди, лишенные слуха, неспособные отличить стиха от прозы, не подозревавшие о существовании метра и ударения, танцевали, распевая рубаи; глухие, не способные отличить звука трубы от крика ишака, люди с мертвыми сердцами, удаленные на тысячи миль от наслаждений звуками струн лютни, были готовы продать свои души за рубаи. Многие из девиц, заточенных в гаремы, из-за любви к рубаи разбили на кусочки двери и стены своей невинности; многие из матрон из-за любви к рубаи навек потеряли покой».

Наиболее очевидные особенности рубаи – спонтанность и актуальность. Как правило, в первом бейте (двустишии) дается посылка, а в третьем полустишии второго бейта – вывод, закрепленный афористической сентенцией четвертого полустишия. Даже любовные темы в рубаи раскрываются не столько через эмоции, сколько посредством философских раздумий и медитаций. Жанр рубаи стал широко известен именно благодаря тому, что в нем писал стихи Омар Хайям. Он же и довел эту поэтическую форму до совершенства.

Исследователи на протяжении всего «хайямоведения» задавались вопросом, какие же рубаи принадлежат собственно Хайяму, ведь свод четверостиший, написанных его рукой, так и не был найден. Столетиями его стихи собирались в сводные списки (рубаияты). При переписывании текстов были неизбежны искажения и ошибки. Рукописи ветшали, и рассыпавшиеся отдельные листы могли быть вставлены внутрь книги, не на свои места. В рубаияты Хайяма попадали рубаияты других поэтов, потерявшие начало и имя автора, и впоследствии такой сводный текст воспринимался целиком как хайямовский.

Иногда переписчик правил четверостишия, «облагораживал» их, иногда сочинял сам. Отдельный вопрос – чужие произведения, представляющие собой поэтический ответ на четверостишия Хайяма. Современник или поздний почитатель либо развивал или опровергал его мысль, либо пародировал ее. Естественно, чем чаще встречаются в разных источниках одни и те же стихи, тем больше вероятность их принадлежности Хайяму. Многие рубаи имеют несколько текстуальных версий. Поэтому, если составитель сборника был как-либо заангажирован, в своем отборе он тяготел к определенным стихотворениям и отбрасывал другие.

К произведениям Хайяма относили около пяти тысяч четверостиший, хотя ни одна из древних рукописей не содержала более 300—400. Русский востоковед В. А Жуковский в конце XIX столетия даже ввел определение «странствующие четверостишия» – их приписывали то Хайяму, то другим известным или анонимным авторам. Так, многие тексты приписываются наряду с Хайямом Ибн Сине и ат-Туси. Принципы определения авторства были самыми разными. Жуковский предложил считать подлинными лишь те рубаи, которые относят к Хайяму древнейшие исторические сочинения, XII—XIV веков,– таковых четверостиший оказалось всего шесть. В начале XX века датский иранист А. Кристенсен предложил довольно спорный критерий атрибуции: искать четверостишия, содержащие имя Хайяма, их было двенадцать. Через двадцать три года датчанин, правда, предложил другой способ: сличение самых древних из известных рукописей – в том числе из собрания Оксфордского университета, Британского музея, Национальной библиотеки в Париже, Берлинской библиотеки. Так были признаны 121 рубаи. Дальше – больше, вышеупомянутый Свами Говинда Тиртха в 1941 году опубликовал одну из лучших в истории хайямоведения работ, «Нектар Милости», где привел более тысячи рубаи, с подробным указанием источников, в которых они встречаются.

Кроме того, нет точного представления, в каком виде поначалу бытовали рубаи Хайяма. Существует версия, что они исполнялись устно, даже напевались. Разнообразие вариантов трактуют как свидетельство их первоначальной изустности. Некоторые авторы последующих поколений цитировали его строки в своих работах, иногда «от противного», как образцы крамольных взглядов Хайяма. Наличие множественных версий одной темы, стихотворений, очень близких по содержанию, советский востоковед Е. Э. Бертельс объяснял, в частности, следующим образом. Подвергаясь опасности со стороны фанатичных богословов, Хайям писал «на клочках, обрывках бумаги», а затем читал за кубком вина друзьям. И вот эти, скажем, пять друзей, придя домой, записывали тексты по памяти, естественно, с некоторыми отклонениями, а при позднем

собирании эти варианты принимались за отдельные четверостишия.

Среди составителей сборников четверостиший Хайяма известен писатель XV века Яр-Ахмед Табризи, который назвал свой труд «Тараб-ханэ» («Дом Радости»). Многие стихи великого поэта дошли до нас только благодаря ему. Лучшим собранием рубаи является Бодлеанская рукопись (1460 год), которой пользовался первооткрыватель Хайяма для Европы – английский поэт Эдвард Фитцджеральд. Она была составлена в Ширазе и содержит 158 рубаи. В 1859 году Фитцджеральд издал около ста четверостиший в переводе с персидского. Однако, как отмечают Ш. З. Султанов и К. З. Султанов, до него Хайяма пытался переводить на немецкий язык Хаммер-Пургшталь, опубликовавший 25 четверостиший, а на французский – Гарсен де Тасси. Однако эти переводы не привлекли к себе внимания. В специальной литературе имя Хайяма-поэта появлялось и ранее: его упомянул Томас Хайд в «Истории религии древних персов» в 1700 году. Фитцджеральдом в книге, включавшей также биографический очерк «Омар Хайям – персидский астроном и поэт», был создан образ восточного мудреца, в юности – гедониста, в зрелом возрасте – разочарованного скептика, в старости – мистика. Кроме Бодлеанской рукописи, английский поэт пользовался копией другой древней персидской рукописи «Рубайята» – из библиотеки Бенгальского азиатского общества. Особого успеха эта поэма (а именно такое впечатление производил перевод, достаточно вольный, в котором фрагменты мыслей были сгруппированы в виде восточной поэмы) поначалу не имела, и ее даже вынужден был защищать Данте Габриэль Россетти, а также писатель и исследователь Ричард Бартон. Однако вскоре «Рубайят» стал невероятно популярен. Фитцджеральд подготовил пять различных редакций перевода, а до конца ХГХ столетия его Хайям переиздавался 25 раз. Сам автор называл свой труд «своеобразным видом литературного метемпсихоза», подразумевая верную передачу духа персидского текста при «переписывании», как он выражался, оригинала на английский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/omar-hayyam/rubai/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/omar-hayyam/rubai-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити